

отчасти, – от страстности, с которой лелеются определенные теоретические положения, либо, напротив, от того, насколько имеется готовность отказаться от таких положений» [21, с. 167]. Заметим также, что, как указывал Ф. Ницше [22, с. 176], «убедительность результатов познавательной деятельности не определяется степенью истинности, а тем – насколько давно они были достигнуты, прочно ли усвоены и способны ли быть условием жизни».

Общетеоретическая и методологическая несостоятельность многих традиционных подходов к изучению языка и различных языковых явлений на сегодняшний день – очевидный факт, уже почти не требующий доказательств. Многие из того, что ортодоксальное языкознание рассматривает как не подлежащие сомнению истины – всего лишь дань прочно устоявшейся, освященной временем традиции и не более того. Исследования последних десятилетий, полученные новые данные о естественном языке, вкпе со сменой общенаучных эпистемологических установок говорят о том, что формируется *новое видение* языка как объекта научного исследования и, соответственно, *новый метод* для его изучения, главным отличительным признаком которого является *холизм* [23]. На данном историческом этапе развития наук о языке можно достаточно уверенно предполагать, что новый метод способен дать (и уже дает) серьезные преимущества в познании и понимании человека, общества и мира в их неразрывной связи и взаимодействии, то есть того, что, в конечном счете, и составляет собственно науку как систематизированное знание о мире.

Литература

1. Уорф Б. Л. Наука и языкознание // *Языки как образ мира*. М: Издательство АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 202-219.
2. Кравченко А. В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология // *Известия АН. Серия литературы и языка*. Т. 60. – № 5. – 2001. – С. 3-13.
3. Maturana, H. R. *Biology of cognition*. BCL Report # 9.0. University of Illinois, Urbana, 1970.
4. Maturana, H. R., Varela, F. *Autopoiesis and cognition: The realization of the living*. Boston: D. Reidel, 1980.
5. Bickerton, D. *Language & species*. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1990.
6. Pinker, S. *The language instinct: How the mind creates language*. New York, NY: Harper Perennial, 1995.
7. Danaher, D. Peirce's semiotic and conceptual metaphor theory. *Semiotica* 119 (1/2), 1998. 171-207.
8. Kravchenko, A. V. Cognitive linguistics, biology of cognition, and biosemiotics: bridging the gaps. *Language Sciences* 28 (1), 2006. 51-75.
9. Губский Е. Ф., Кораблева Г. В., Лутченко Г. А. *Краткая философская энциклопедия*. М.: Прогресс, 1994.
10. Кравченко А. В. *Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка*. Иркутск: Иркут. обл. типогр. № 1, 2001.
11. Devitt, M., Sterelny, K. *Language and reality: An introduction to the philosophy of language* (2nd edition). Cambridge, MA: The MIT Press, 1999.
12. Lakoff, G., Johnson, M. *Philosophy in the flesh*. Basic Books, 1999.
13. Givón, T. *Bio-linguistics. The Santa Barbara lectures*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2002.
14. Givón, T. *Context as other minds: The pragmatics of sociality, cognition and communication*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2005.
15. Zlatev, J. Meaning = life (+ culture): an outline of a unified biocultural theory of meaning. *Evolution of Communication. An International Multidisciplinary Journal*, 4: 2, 2003. 253-296.
16. Кравченко А. В. Что такое коммуникация? // В. В. Деметьев (ред.). *Прямая и непрямая коммуникация*. Саратов: Колледж, 2003. С. 27-39.
17. Кравченко А. В. Наука о языке и ее объект: к постановке проблемы // *Вестник НГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация*. Т. 3. Вып. 1, 2005. 130-135.
18. Kravchenko, A. V. *Sign, meaning, knowledge: An essay in the cognitive philosophy of language*. Frankfurt/Main, etc.: Peter Lang, 2003.
19. Kravchenko, A. V. Essential properties of language, or why language is not a (digital) code. (Paper presented at the Conference «Cognitive Dynamics and the Language Sciences», 9-11 September, 2005, Cambridge, UK).
20. Linell, P. *The written language bias in linguistics: its nature, origins and transformations*. London & New York: Routledge, 2005.
21. Geerearts, D. Idealist and empiricist tendencies in cognitive Semantics. In T. Janssen and G. Redeker (Eds.). *Cognitive linguistics: foundations, scope, and methodology*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1999. 163-194.
22. Ницше Ф. *Веселая наука*. СПб.: Азбука, 1997.
23. Кравченко А. В. Человек, язык, среда (к обоснованию холизма как метода гуманитарной науки) // Е. А. Пименов, М. В. Пименова (ред.). *Мир в языке (Серия Этногерменевтика и этнориторика. Выпуск 11)*. Кемерово, 2005. С. 36-51.

Красовская О. В.

О СПЕЦИФИКЕ СУДЕБНОГО ДИАЛОГА

1. Диалогическая речь является постоянным объектом лингвистического познания – литература, посвященная диалогу, огромна. О лингвистических подходах к диалогу см., например: [1; 2].

Исследователи диалога справедливо отмечают, что для построения типологии диалога и создания теории диалогической речи необходимо изучать все разновидности диалога, представленные в реальном общении [3; 8].

Судебный диалог предметом специального изучения лингвистов, по нашим наблюдениям, не был. Между тем диалог, протекающий в ходе судебного разбирательства, – это особая коммуникативная форма, которая представляет интерес для осмысления многих вопросов теории общения.

Разработка указанной проблематики имеет большое практическое значение – для обучения речевому общению в рамках судебного разбирательства с целью его эффективного осуществления.

В данной статье будет дана только общая характеристика судебного диалога – фрагмент научного проекта, направленного на комплексное, многоаспектное изучение судебной коммуникации. Наблюдения основаны на записях судебных процессов по гражданским делам.

2. Судебное разбирательство представляет собой речевое взаимодействие, для которого смена ролей говорящий/слушающий постоянна и обязательна. Однако диалог в суде лишен некоторых признаков естественной диалогической речи и характеризуется взаимной связанностью следующих коммуникативных черт.

1) Судебный диалог – «подготовленное» речевое общение. Указанная особенность обусловлена рядом факторов. В их числе: 1) заданность темы для обсуждения в ходе судебного разбирательства, представляющей собой фактическое основание иска; 2) стандартный порядок рассмотрения дела, в рамках которого исполняются ритуальные процессуальные действия; 3) дискретность, разорванность судебного разбирательства во времени: слушание дела, как правило, происходит с перерывами (иногда достаточно длительными, так что судебный процесс может тянуться годами); 4) конвенциональный характер мены речевых субъектов в судебном диалоге (см. об этом более подробно ниже), порождающий отсроченные ответные реакции.

Эти и нек. др. факторы создают для участвующих в деле лиц возможность взвешивать ситуацию спора, обстоятельно отстаивая занимаемую в нем позицию.

Таким образом, процессуальные участники произносят обдуманые (или даже записанные) речи, задают предварительно подготовленные вопросы. Ср. соответствующий пример (С. – судья, И. – истец, О. – ответчик):

(Из дела, направленного апелляционным судом на новое рассмотрение в суд первой инстанции)

С. Слушаем объяснения истицы.

И. Я подготовила объяснения, отталкиваясь от определения апелляционного суда. Можно?

С. Ваше право.

В судебной речи признак ее подготовленности проявляется в употреблении стереотипных реплик. Например, такие речевые клише, как *Доклаживаются материалы дела, Разъясняются процессуальные права, Суд переходит к судебным прениям* и под., обнажая структуру судебного диалога, делают его более четким и понятным для непрофессиональных участников.

Принято в судебно-речевой практике и чтение заранее подготовленного текста. В частности, для постановления определений по сложным процессуальным вопросам, для составления решений судьи удаляются в совещательную комнату, где оформляют свои выводы в виде процессуальных документов, которые воспроизводят после выхода из нее.

Итак, судебный диалог в целом осуществляется как речь подготовленная – запланированная, обдуманная или даже читаемая. Значительную часть произносимых в суде речей составляют клише.

2) Судебный диалог – это коммуникативная форма, в структуре которой значительное место занимает монолог (так называемые «монологические реплики»). Доклад судьи, объяснения сторон, их выступления в прениях, рассказ свидетеля и нек. др. судебно-процессуальные жанры представляют собой развернутые высказывания, которым присуща определенная процессуальная регламентированность. Ср., например, замечание судьи, задающее объем и содержание объяснений истицы:

(Из дела о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребенка-инвалида)

С. Пожалуйста, истица, поднимайтесь. Слушаем Вас.

И. Я прошу взыскать...

С. *(перебивая)* Нет, все рассказывайте. Какой у Вас ребенок, сколько лет были в браке.

Монологические высказывания включаются в судебный диалог и на его вопросо-ответных отрезках. Продолжительность ответных реплик связана прежде всего с характером вопросов. Развернутых сообщений требуют, как правило, вопросы, именуемые в теории аргументации восполняющими: они направлены не на выяснение истинности или ложности выраженных в них суждений, а на получение недостающей информации, сбор фактов. Пространность судебных речей также обусловлена состязательным началом судопроизводства – спор, как известно, предполагает обмен полными, аргументированными выступлениями, с помощью которых оппоненты отстаивают свои позиции. Ср.:

(Из трудового спора о восстановлении на работе)

И. *(обращаясь к О.)* Если я была уволена 25 июня, почему тогда С. *(инспектор отдела кадров)* в докладной записке пишет, что я 26 июня не вышла на работу?

О. По данному вопросу мне как представителю известно, что поскольку все документы находятся в ведении отдела кадров, то, когда Вы не забрали трудовую книжку, ее передали в отдел кадров. Инспектор, заблуждаясь, исходит из законодательства, что если трудовая книжка находится у него, то работник считается неуволенным. На основании таких суждений была составлена докладная записка. Но заблуждение не является основанием для продления срока исковой давности и не отменяет порядок рассмотрения трудового спора.

Итак, неотъемлемым компонентом судебного диалога являются монологические реплики, которые выполняют в нем различные процессуальные функции. Степень проявления характерных черт монолога в пространственных репликах участников процесса различна и зависит от многих факторов.

3) Судебный диалог – форма речевой деятельности, для которой характерно постоянное взаимодействие с письменной речью. Эта особенность общения в суде также задана гражданско-процессуальным регламентом и судебной традицией.

Во-первых, закон требует письменной фиксации судебного процесса. Составление протокола предполагает «перевод» устной речи в письменно-протокольную форму, который иногда осуществляется прямо в ходе судебного заседания, в структуре судебного диалога. Характерный пример:

(В апелляционном суде принято коллегиальное рассмотрение дел; в приводимом ниже диалоге, кроме судьи-докладчика, председательствующего в судебном заседании (И.), также участвует еще один судья – член судебной коллегии (С./))

И. Я не согласен с решением суда.

С. Почему Вы с ним не согласны?

И. Краснолучский суд не выяснил следующее. Я издал приказ. Прокурор подал на него протест, но протест был отклонен...

П. Если Вы хотите это изложить для суда, то это должно звучать так. Факт издания мною незаконных решений не доказан. А суд этому не дал оценки. Вот это Вы должны рассказывать, а не то, как руководили страной. Вот как я прошу Вас говорить.

И. Суд также не в полной мере рассмотрел мое отсутствие на работе...

С. *(обрывая)* Извините, что значит «не в полной мере»? Вы по уважительной причине отсутствовали? По болезни?

П. Сергей Васильевич, опять – таки русским языком. Суд не учел...

И. Суд не учел мое отсутствие на работе по уважительной причине. Прокурор принял решение о моем аресте. Я был не согласен. Я обратился в Верховный Совет с жалобой на незаконное постановление о

возбуждении уголовного дела, в Администрацию Президента, к премьер-министру. Был на приеме у заместителя Администрации Президента, встречался с депутатами.

П. (раздраженно) Я отсутствовал, потому что было принято постановление о моем аресте и поехал отстаивать свои права. Трудно записывать в протокол.

Во-вторых, судебное дело состоит из множества документов, которые полностью или частично оглашаются в судебных заседаниях. Ввиду этого целые отрезки судебного диалога представляют собой устное воспроизведение письменного текста, что мы уже отмечали выше.

Более интересны другие ситуации взаимодействия устной и письменной форм речи в судебном процессе. Это ситуации, в которых процессуальный документ выполняет роль диалогической реплики. Нам неоднократно приходилось наблюдать, как ходатайство, поданное суду в письменной форме, не озвучивалось. При этом диалог прерывался невольным молчанием, равным речевому действию официальной просьбы, а длина диалогической паузы равнялась времени, необходимому участвующим в деле лицам для ознакомительного чтения документа:

С. Ходатайства, заявления будут?

О. (кивает и передает **С.** письменно оформленное ходатайство)

С. (читает заголовок) О вызове свидетелей... (дочитав до конца, передает **И.** для ознакомления) Ваше мнение о возможности удовлетворить это ходатайство.

И. (дочитав до конца) Я не возражаю.

С. Суд, посоветовавшись, определил: удовлетворить ходатайство. (обращаясь к секретарю) Подготовишь повестки.

Итак, первичной формой существования судебного разбирательства является устная форма. Однако необходимой для него формой реализации является и письменная речь. Элементы письменного судопроизводства по-разному обнаруживают себя в структуре судебного диалога, затягивая или сокращая его течение.

4) Судебный диалог – коммуникативная форма, в которой может нарушаться линейно-прогрессивный характер развертывания устной речи (см.: [5]).

Указанное нарушение основано на зафиксированных в законе принципах относимости и допустимости доказательств. В соответствии с ними судья принимает от участников процесса не все предъявляемые ему факты, зачеркивая, аннулируя тот или иной фрагмент судебного диалога. Так, например, для судебного разбирательства типично «снятие» вопросов, вследствие чего остаются нереализованными процессуально-коммуникативные потребности сторон:

(Из дела по жалобе на неправомерные действия Госинспекции учебных заведений; **С.** предложил заявительнице (**З.**) задать вопросы представителям Госинспекции после данных ими объяснений по жалобе)

З. Сколько раз студентка **П.** сдавала экзамен по литературному редактированию?

С. Вопрос снимается.

З. (вопросительно смотрит на **С.**)

С. Он не относится к предмету обжалования.

З. Прошу занести мои возражения против действий председательствующего в протокол.

Регрессивный характер судебного диалога также наглядно проявляется в повторном заявлении участниками процесса ходатайств. Из наших материалов следует, что в судебной практике закреплена квалификация ходатайств, в удовлетворении которых судья не заинтересован по какой-либо причине, как преждевременных. Однако юристы-практики, досконально знающие судебный процесс, советуют значимые для участников правового конфликта ходатайства заявлять повторно. Ср.:

С. (реакция **С.** на вторичное ходатайство **И.** о допросе в качестве свидетелей высокопоставленных должностных лиц) Что Вы по сто раз заявляете одно и то же! (берет в руки ходатайство) В нем не указан адрес.

И. А если я укажу адрес, Вы их вызовете?

С. Когда укажете, тогда и решать будем.

Таким образом, нарушение линейно-прогрессивного протекания устной речи в судебном дискурсе представлено случаями «исключения» из него диалогических фрагментов и возврата к актуальным диалогическим ситуациям.

5) Судебный диалог – вид речевого взаимодействия с запрограммированной реактивностью.

Во-первых, для судебного разбирательства предусмотрены правила мены ролей говорящий/слушающий.

Процессуальный кодекс не допускает сиюминутных реплик-реакций на высказывания оппонента. Стороны должны принимать на себя функцию говорящего только по разрешению суда. Однако правило мены ролей часто нарушается непрофессиональными участниками процесса, так как оно не закреплено в их речевом поведении в виде навыков. Соблюдение этой нормы достигается путем принуждения со стороны отправителей правосудия. Ср.:

И. (после ответов своего оппонента – представителя горсовета – на вопросы **С.** о том, как проходила внеочередная сессия горсовета, решением которой были досрочно прекращены полномочия **И.** как городского головы) Уважаемые судьи, он полностью отклонился от вопроса, как проходила сама сессия.

С. (перебивая) Если Вы хотите дать пояснения, мы дадим Вам возможность. Представитель совета, что еще можете сказать?

О. Я членом комиссии не являлся.

С. (обращаясь к **И.**) Какие Вы хотите дать пояснения? Как проходила сама сессия? Вы ж на ней не были.

И. У меня есть видеозапись.

С. У Вас есть видеозапись?

И. Да.

С. Хорошо. Выводами давайте.

Во-вторых, в судебном диалоге действуют предусмотренные законом ограничения на согласование реплик по иллокутивной силе [6]. Так, уместной речевой реакцией, с точки зрения Гражданского процессуального кодекса, на объяснение процессуального оппонента, заключение эксперта, показания свидетеля является только вопрос. Ср. соответствующий пример:

С. (*заслушав объяснения О., обращается к И.*) Вопросы к ответчику.

И. В рассказе ответчика нет ни слова правды. Из его слов получается, что меня уволили за систематическое неудовлетворительное выполнение трудовых обязанностей во время испытательного срока. Но не за однократное грубое нарушение.

С. (*обрывая*) Это не вопрос. Сформулируйте вопрос правильно.

И. (*недоуменно*) У меня нет вопросов.

Закон, подчеркнем, исключает такую реакцию сторон на утверждения друг друга, как возражение, естественное для конфликтного типа речевого взаимодействия.

Итак, правила оформления речевой реакции в судебном диалоге устанавливают фиксированную мену коммуникативных ролей и характер целесообразной прагматической связи между репликами процессуальных участников.

3. Подведем итоги.

Для судебного разбирательства характерна внешняя диалогическая форма – чередование реплик его участников. Вместе с тем судебному диалогу противопоставлены многие признаки естественной диалогической речи. Процессуальные оппоненты не являются полноправными участниками судебного диалога: судебное разбирательство не предполагает свободной мены коммуникативных ролей и непринужденного ответного реагирования. Социально приемлемым для судебного разбирательства является ритуальное поведение.

Судебно-процессуальную деятельность организуют исторически сложившиеся социокультурные (в том числе речеведческие) нормы, многие из которых закреплены в законе. Функционирование любого социального института опирается на конвенции (см.: [4]), однако суд – сфера, требующая максимального исполнения конвенциональных норм. За их несоблюдение предусмотрены санкции (в виде предупреждения, удаления из зала судебного заседания и наложения штрафа).

Основным условием успешного общения и эффективной защиты прав в ходе судебного процесса является знание закрепленных за ним социокультурных норм и умение им следовать, так как исполнению конвенциональных ролей учатся путем участия в организованных группах [7, с. 50].

Выявление механизмов ориентации в ритуально-ролевой обстановке общения, а также того, как формируются навыки порождения адекватной «ролевой» речи, – задача последующих работ по изучению судебной коммуникации.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке // ФН. 1970. – № 3.
2. Валюсинская З. В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов // Синтаксис текста / Отв. ред. Г. А. Золотова. – М., 1976.
3. Земская Е. А. Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога // Разновидности городской устной речи / Отв. ред. Е. А. Земская и Д. Н. Шмелев. – М., 1988.
4. Колтунова М. В. Конвенции как прагматический фактор диалогического общения // ВЯ. – 2004. – № 6.
5. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. – М., 1976.
6. Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // ИАН. СЛЯ. Т. 41. – 1982. – № 4.
7. Шибутани Т. Социальная психология. – Ростов н/Д, 2002.
8. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. – М., 1986.

Кресан Е. Я., Танцюра А. А.

К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Подлинное изучение художественного текста возможно лишь при подходе к произведению как к единой, многоплановой, функционирующей структуре. Поскольку ни контекстуально-интерпретационный, ни филологический, ни иной отдельно взятый анализ текста не является исчерпывающим, представляется целесообразным применение комплексного подхода к его рассмотрению.

Актуальной разработкой комплексного анализа текста является **метод диалогической интерпретации** Е. А. Селивановой [13], исходящий из диалогической коммуникативной модели и опирающийся на принципы общей методологии функционализма. Принцип диалогичности, лежащий в основе метода, восходит к концепции диалогичности гуманитарного познания М. М. Бахтина [2], а также к понятию герменевтического круга Ф. Шлейермахера [см. 6], учитывающему интерактивность автора и читателя, читателя и текста, текста и языка, эпохи автора. Согласно концепции М. М. Бахтина, существует ряд *аспектов* диалогичности. *Первым* является *гносеологический*, основывающийся на антиномии личности, предмета и вещи (В. Дильтей, Б. Рассел, А. Мейер, П. Флоренский, С. Булгаков, Г. Шпет и др.) и предполагающий сложные взаимоотношения автора и интериоризованного бытия, читателя и бытия, текста и бытия [см. 13]. *Второй* аспект (*языковой*) определяет диалог человека и языка и проявляется в возможности для творческой личности прорыва из плена языковых стереотипов. *Третий* аспект диалогичности (*культурноисторический*) отражает связь текста, личностного сознания автора и читателя с кодом культуры в ее развитии во времени и пространстве, в частности, с текстами-предшественниками. *Четвертый* аспект (*коммуникативный*) основывается на взаимодействии автора-функции как текстового аналога отсутствующего автора и гипотетического адресата, заложенного в текстовой программе адресованности, с реальным читателем. *Пятый* аспект диалогических отношений (*текстовый*) находит выражение в специфике соотношения персонажей текста с авторской функцией и диалога героев. Множественные внутри- и междуаспектные реляции диалогичности, обуславливают возможность приложения ее модели к тексту в его современном понимании как особой коммуникативной ситуации [см. 13, с. 149-156].